

языковых средств обнаружения Я конкретного повествования. Выявлены и описаны эгоцентрические языковые средства не только на уровне лексики (например [Яковлева 1992; 1994]), но и на уровне грамматики [Апресян 1986; Падучева 1991]; исследованы возможности взаимодействия внутренней и внешней точек зрения говорящего [Булыгина 1990; Золотова 1991], обнаружены способы противопоставления Я говорящего и Ты слушающего [Пеньковский 1989], способы соединения точек зрения Я говорящего и Ты слушающего [Шмелев А. 1991]. Собранный Н.А. Кожевниковой материал позволяет увидеть тенденции в развитии и взаимодействии типов повествования, выявить и сформулировать общие закономерности литературного процесса, обнаружить работу "метатекстовых" средств в художественном целом литературного произведения. Увидеть все эти достоинства книги Н.А. Кожевниковой можно лишь на общелингвистическом фоне, учитывая результаты лингвистических исследований последней трети XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1986 — Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.
- Булыгина Г.В. 1990 — Я, ты и другие в русской грамматике // *Res philologica*. М., 1990.
- Виноградов В.В. 1971 — О теории художественной речи. М., 1971.
- Золотова Г.А. 1982 — Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А. 1991 — Субъективные модификации русского предложения // *Sagner slavistische Sammlung*. Bd 17. München, 1991.
- Иванчикова Е.А. 1992 — Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность. Красноярск, 1992.
- Лихачев Д.С. 1971 — О теме этой книги // В.В. Виноградов. О теории художественной речи. М., 1971.
- Онищенко Н.К. 1985 — О субъектной перспективе каузативных конструкций // ВЯ. 1985. № 2.
- Онищенко Н.К. 1994 — Идея субъектной перспективы в русской грамматике // *Русистика сегодня*. 1994. № 3.
- Падучева Е.В. 1991 — Говорящий: субъект речи и субъект сознания // *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991.
- Пеньковский А.Б. 1989 — О семантической категории "чуждости" в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М., 1989.
- Степанов Ю.С. 1981 — Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Шмелев А.Д. 1991 — Референциальные значения в поэтическом тексте // *Поэтика и стилистика*. 1988—1990. М., 1991.
- Яковлева Е.С. 1992 — Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Автореф. докт. дис... М., 1991.
- Яковлева Е.С. 1994 — Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.

Н.К. Онищенко

А.Д. Дуличенко. Русский язык конца XX столетия. München. 1994. 347 с.

Процессы, происходящие в русском языке наших дней, привлекают к себе пристальное внимание исследователей. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в научной периодике — например, в журналах "Русская речь", "Русский язык в школе", "Русский язык за рубежом", "Русистика" (Берлин) и др., конференции по актуальным вопросам русистики.

В рецензируемой книге проф. Тартуского университета А.Д. Дуличенко эти процессы исследуются, как выражается сам автор, "по горячим следам": он фиксирует те изменения и новшества в русском языке, которые возникают буквально на наших глазах. В этой сиюминутности, внимании к сегодняшнему дню русской языковой действительности —

одно из основных достоинств работы А.Д. Дуличенко.

Особенно много места уделено в книге языковым явлениям, характерным для периода перестройки (1986—1991 гг.). Автор анализирует "лексические доминанты перестройки" (гл. II) — парадигматические и синтагматические связи таких слов, как *перестройка* (А.Д. Дуличенко называет его "суперсловом политического языка конца XX столетия"), *гласность*, *демократия*, *демократизация*, *застой*, — "смену лексических парадигм" (гл. III): здесь наиболее характерны процессы десоветизации и деидеологизации лексики; новшества в области административно-территориальной номенклатуры, в речевом этикете. С беспокойством отмечает автор "сра-

мословие" и "грубословие" как выражение усиливающихся агрессивных тенденций в современной речи (гл. IX).

В книге нашли отражение и такие явления, как возрождение устаревшей лексики (гл. V), переименования (гл. X), фиксируемая в слове смена одних идеологических установок другими (гл. VII), новые тенденции в словообразовании (гл. XI) и синтаксисе (гл. XII), новые иноязычные заимствования (гл. XIV). Наряду с действительными новшествами автор отмечает и такие явления, которые свидетельствуют скорее о "перемене знака" (с плюса на минус или наоборот), о новом наполнении традиционных лексико-словообразовательных или синтаксических схем. Так, в главе VII показано, что словесные ярлыки типа *патриот, красно-коричневые, русофобы* и под. являются по существу продолжением предшествующей традиции наклеивания идеологических ярлыков политическим оппонентам. Материал, содержащийся в главе XII, хорошо иллюстрирует верное наблюдение автора, согласно которому старые синтаксические штампы не уходят, давая место новым, а наполняются новым лексическим содержанием: ср. лозунги типа *Больше гласности!* (по ранее существовавшей схеме *Больше социализма!*), *Всю энергию народа — перестройке!* (ср. актуальное во время Великой Отечественной войны: *Все силы — фронту!*), *Нет — новому тоталитаризму* (ср.: *Нет — войне!*) и т.п. (с. 302—303).

Несмотря на столь широкий круг проблем, затронутых автором, книга А.Д. Дуличенко — это, скорее, материалы к изучению русского языка конца XX столетия, сопровождаемые комментариями, которые носят публицистический, а нередко и чисто вкусовой характер. На последнее обстоятельство указывает и сам автор. В предисловии он пишет: "...текст писался носителем русского языка и одновременно языковедом, который стремился выразить отношение к материалу и с первой и со второй позиций. Признаемся: порою трудно было удержаться, чтобы не выразить свою тревогу относительно нынешнего состояния русского языка — настолько оно представляется нам критическим, а в некотором смысле — и кризисным" (с. XII).

Название книги значительно шире ее содержания: во-первых, внимание автора сосредоточено главным образом на сравнительно небольшом (хотя и важном в социальном отношении) отрезке времени, а не на всем "конце XX столетия"; во-вторых, описываются процессы, происходящие в лексике (главы, посвященные словообразованию и синтаксису, весьма фрагментарны, о чем свидетель-

ствуют и сами их названия: "Кое-что о словообразовательных потенциях..." и "Два слова о синтаксисе..."); в-третьих, объектом описания явился почти исключительно язык прессы — другие речевые стили и жанры остаются за рамками книги.

В том, что читателю предложены именно материалы и наблюдения автора, убеждает и композиция книги, лишенная какого-либо систематизирующего начала. Так, после несомненно центральных глав о лексических доминантах перестройки и о смене лексических парадигм идут логически неупорядоченные наблюдения над лингвистически разнородным материалом: над изменениями в лексической сочетаемости, возрождением старой лексики (например, слов с первой частью *благо-*), новшествами в политической терминологии, вводимыми в оборот демократической властью; от явлений речевой агрессии — срамословия и грубословия — автор переходит к описанию массовых переименований, и соответствующая глава (X) так и называется: "От агрессии слов к ономастическому перевороту", и читателю остается неясной связь между этими столь далекими друг от друга явлениями; глава об одном из самых характерных и социально значимых процессов — заимствовании иноязычной лексики, активизации ее употребления — помещена в конце книги.

Книга А.Д. Дуличенко явно, открыто социолингвистична: ведь языковые явления описываются здесь в связи с явлениями социальными. Однако научный контекст, в который должно быть вписано это социолингвистическое сочинение, обозначен автором недостаточно. В I главе, которая называется весьма обязывающе: "Русский язык и социальные потрясения XX столетия" и которая, по всей видимости, должна была бы играть роль теоретического введения, нет даже кратного описания того, что соответствует названию главы, а перечень имен исследователей-предшественников случаен и далеко не полон. Если судить по этой главе, после С.О. Карцевского, А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова и немногих других ученых старшего поколения никто из русистов (за исключением разве что югославского лингвиста Б. Тошовича: его работа упомянута на с. 5 и 17) не интересовался проблемами взаимосвязи изменений в русском языке и социальных преобразований в обществе, "обслуживаемом" этим языком. Это, конечно, не так: например, в 60—70-е годы под руководством М.В. Панова был осуществлен цикл работ, опубликованный в четырехтомной монографии "Русский язык и советское общество" (М., 1968) и многочисленных сборниках; спе-

циалистам хорошо известны исследования современной разговорной речи Е.А. Земской (и ее группы), О.А. Лаптевой, О.Б. Сиротининой; разработка актуальных проблем русистики под социальным углом зрения интенсивно ведется в научных учреждениях Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Екатеринбурга и других городов, а также рядом зарубежных русистов.

Отсутствие подобной информации — хотя бы в виде упоминания соответствующих работ — в книге А.Д. Дуличенко создает ложное впечатление о ее научном и жанровом новаторстве. Кроме того, высказываемые автором положения, касающиеся связи языка и общества, при отсутствии соответствующего научного контекста звучат как сформулированные впервые: ср., например, I главу, где говорится о формах влияния социального на язык, о разном характере такого влияния в зависимости от масштаба социальных процессов, начало III главы, содержащее замечания о более медленном темпе языковых изменений по сравнению с темпом изменений социальных (наблюдение, высказывавшееся еще Е.Д. Поливановым).

С другой стороны, ряд явлений и процессов, требующих теоретико-лингвистического осмысления, остается без авторских комментариев или же снабжается вкусовыми замечаниями, без попытки анализа наблюдаемых фактов.

Вот несколько примеров.

Несмотря на декларированный в начале книги (с. 1 и след.) социалингвистический подход к интерпретации изменений в современном русском языке, глава об иноязычных заимствованиях не содержит анализа социальных причин интенсификации этого процесса в 80—90-х годах XX в. (вместо этого — чисто оценочные замечания автора, не подкрепляемые лингвистическими аргументами, типа: «...средства массовой информации внедряют в массовое сознание и речевое употребление в английской фонетической "упаковке" *компьютер, дисплей* и т.д.» (с. 321); в употреблении иностранных слов сказывается "гордыня знающих иностранные языки перед незнающими таковых" (там же), или же не вполне понятные утверждения вроде такого: "Русский язык нельзя считать пуристическим языком..." — с. 316).

Рассматривая "смену лексических парадигм" (гл. III), А.Д. Дуличенко придерживается такого понимания термина "лексическая парадигма": "совокупность лексем, другому — лексическое или лексико-словообразовательное гнездо, поле, группа, предназначенное для выражения предметов [так у

автора. — Л.К.], отношений, свойств и т.д. какой-либо одной социальной сферы" (с. 97). В этом определении почти каждый компонент требует разъяснений: почему автор считает синонимами давно употребляющиеся в лингвистике в разном значении термины "гнездо" и "поле" и оба их приравнивает по смыслу к слову "группа", что означает в данном контексте предикат "предназначенное", что имеется в виду под социальной сферой и почему слова не могут выражать "предметы, отношения и свойства" не социальной, а, скажем, личной сферы, частной жизни и т.п.?

И главный вопрос: стоит ли так расширительно толковать термин "парадигма", имеющий в современной лингвистике достаточно ясные очертания? По-видимому, главное для понятия парадигмы — отношения между составляющими ее компонентами (ср. парадигмы склонения и спряжения). Каковы же отношения между компонентами "лексической парадигмы"? Об этом в книге ничего не сказано.

Еще один пример недостаточной лингвистической интерпретации описываемых явлений. В V главе автор приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о "возвращении забытого", в частности, об активизации употребления слов типа *милосердие, сострадание, благотворительность*. Авторскому описанию этого процесса, на мой взгляд, недостает трезвой оценки: А.Д. Дуличенко считает, что "слова такого рода могут сыграть неоценимую помощь [так у автора. — Л.К.] в обогащении внутреннего мира русского человека, в установлении между людьми доброжелательных, дружеских отношений" (с. 161). На самом деле в прессе, в публицистике подобные слова и образуемые ими словосочетания быстро становятся очередными штампами, за которыми нет реального содержания.

Все новое, что появляется в русском языке наших дней, естественно, вызывает у автора книги острый интерес. Это относится, в частности, к словообразовательным неологизмам и, в связи с этим, к словопроизводственным возможностям русского языка. Однако новообразования описываются (в гл. XI) без какой-либо отчетливо просматриваемой системы: автор идет от факта к факту, от одной группы текстовых иллюстраций к другим (хотя сами по себе эти факты и иллюстрации весьма ценны как материал для лингвистического анализа).

Наряду с пополнением литературного языка словообразовательными неологизмами и новыми иноязычными словами в последнее

десятилетие наблюдается интенсификация процессов так называемого внутреннего заимствования, то есть использования в литературном языке диалектных, просторечных, жаргонных лексических элементов. Как отмечают исследователи, одно из характерных явлений последнего времени — жаргонизация устно-разговорной формы литературного языка, "интеллигентской" речи (см. об этом, например [Винокур 1980; Разновидности 1988; Крысин 1989; Швейцер 1983] и др.). К сожалению, эти процессы не привлекли к себе внимания автора рецензируемой книги. Между тем, кое-что из того, что А.Д. Дуличенко относит к словообразовательным неологизмам, достаточно давно существует в некодифицированных сферах русского национального языка (жаргонах, городском просторечии) и лишь в последнее время стало использоваться и в литературных, преимущественно публицистических, текстах. Таково, например, издавна существовавшее в артистическом аргосе словечко *оживляж* (с. 279), жаргонное *тенивик* (там же), шутовское образование *хрущобы* (с. 286), возраст которого — не менее тридцати лет; квалифицируемое авторами как "введенное демократами" оценочное слово *коммуняки* (с. 283) в просторечии существует несколько десятилетий и, стало быть, не может рассматриваться как новообразование, возникшее в литературном языке в годы перестройки.

О словообразовательных элементах *парт-, гос-, спец-, сов-* сказано, что они необычайно активизировались именно в последнее время (с. 290). Но это не так: наиболее многочисленны и разнообразны по семантике образования с этими элементами именно в советское, доперестроечное время (см. об этом, в частности [Русский язык 1968; Крысин 1990]).

Несколько слов — об источниках, из которых А.Д. Дуличенко черпал материал для своих наблюдений и выводов. Большая часть этого материала извлечена из газет и журналов "правого" толка: "День", "Русский вестник", "Русские ведомости", "Советская Россия", "Наш современник" и другие, хотя в списке источников (с. 338—342) присутствуют и иные издания. Столь односторонний отбор был бы оправдан в том случае, если бы автор изучал языковые особенности только такого рода прессы. Но ведь он задался целью показать, каков "русский язык конца XX столетия", и естественно, что в качестве образцов этого языка должны фигурировать тексты во всем их разнообразии.

В заключение — несколько мелких замечаний

Во вступительной статье, которую автор назвал "Вместо предисловия", сообщается, что «к книге дано "Приложение", где помещены официальные и авторские тексты и высказывания, касающиеся вызванных перестройкой лингвистических проблем» (с. XII). Однако такого приложения в книге нет. На с. 100 авторство выпусков "Новые слова и значения" ошибочно приписано московскому Институту русского языка (в действительности они были подготовлены группой ленинградских ученых); телевизионная программа "Итоги" на с. 312 "отдана" телевидению "Останкино" (на самом деле — НТВ). На с. 267 говорится о неведомом "греко-латинском языке". Словосочетание *эта страна*, употребляемое вместо *наша (моя) страна*, на с. 306 почему-то названо метафорой. Несколько раз в тексте книги автор сетует на *о к ц и д е н т а л и з а ц и ю* современного русско-го языка, не разъясняя этого термина; в контексте общего неприятия автором "иностранины" это особенно удивительно.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что книга А.Д. Дуличенко — полезное (хотя и одностороннее) собрание материалов и наблюдений, касающихся современного состояния русского языка. Для научного описания процессов, происходящих в русском языке на исходе двадцатого века, необходимо дальнейшее осмысление этих материалов и наблюдений, их объективный лингвистический и социолингвистический анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокур 1980 — Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Крысин 1989 — Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин 1990 — Крысин Л.П. Из истории употребления слов *особый* и *специальный* // Русистика. 1990. № 2.
- Разновидности 1988 — Разновидности городской устной речи / Под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. М., 1988.
- Русский язык 1968 — Русский язык и советское общество. Кн. I—IV / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
- Русский язык 1991 — Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Части I—II. М., 1991.
- Швейцер 1983 — Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.

Л.П. Крысин